

Несмотря на неудачный старт судебного заседания, вождь света начал свою изощренную защиту. Со словами сочувствия и скрытого давления влияние директора было достаточно сильным, чтобы склонить большинство присяжных на его сторону. Он изображал его как более великого человека, готового заплатить со своего счета, чтобы защитить одного из членов его семьи.

Приговором был штраф для выплаты остальным жертвам учебного года. Джинни отправили на четвертый этаж больницы магических болезней и травм Святого Мунго. Ее мать схватила лидера света, благодарив его с мокрыми глазами. Она отказалась от денег с самого начала, так как не хотела благотворительности, но старый волшебник нашел свой путь.

Это было для его собственного искупления, он был виноват в том, что не действовал быстрее. Он становился старше и скучал по вещам, по которым не следовало бы. Более того, он любил эту семью, как свою.

Улыбающееся лицо старика, казалось, заботило только рыжеволосых, но за ним еще наблюдали и блондины, выходящие из зала суда после приговора. Люциус был в ярости. Его идеальная месть за набег на поместье была аннулирована, поскольку могущественные слова Дамблдора весили тонну.

Светловолосый волшебник извинился перед сиротой, так как не был склонен к дальнейшим обсуждениям. Как и взбесившийся человек, сирота крепче сжал кулак. Ожидаемый результат так и не наступил. Риск не окупился. Никакой Орден Мерлина не украшал его одежду. Волшебники на суде не поняли, какую услугу он оказал, убив Василиска. Все их дети были в опасности.

«Они были кучкой дураков», - подумал он.

Репутация сироты не повысилась, она должна была снизиться из-за страха, продемонстрированного ранее жюри. Зачарованная стена была пробита. Прежде чем кто-либо заметил это, укрепленный камень вернулся в исходное состояние, а на поврежденном кулаке не было никаких следов. Путь к выходу был заполнен волшебником испытания. Всю дистанцию избегали черный костюм с движущимся сиреневым цветком. С облегчением администратор вернула молодую волшебную палочку, не сказав ни слова. Шепот о голове Василиска прошел через агентов министерства. Вернувшись в знакомый темный переулок, сирота наложил на себя модифицированное заклинание разочарования и вызвал свой третий глаз.

Избегая толпы, невидимый волшебник поплыл обратно в здание министерства.

Он ждал, пока один из его агентов выйдет из здания в одиночку, чтобы последовать за ней. Ведьма в свои тридцать не заметила присутствия позади нее. Она даже не заметила, когда ее сзади ударил парализатор. Разум ведьмы не был защищен никаким искусством разума. Она была похожа на открытую книгу со слоями воспоминаний. Чары памяти и конфундуса избавили ее от любых подозрений после похищения.

После он поплыл ко входу в министерство. На первом уровне здания располагались кабинеты административного персонала, а в конце коридора находился архив министерства. Ни администратор, ни охранник министерства, патрулирующие этаж, не заметили злоумышленника над своими головами. Когда они патрулировали его школу, сирота узнал от них, что он не упадет от той же уловки.

Архив был заблокирован на первый год заклинания. Министерство было достаточно высокомерным, чтобы полагаться на этот минимальный уровень безопасности. Они действительно верили, что авроров было достаточно для безопасности министерства, или это подразделение понесло убытки, как тюремные надзиратели, подумал злоумышленник. Третий глаз проверил дополнительные магические защитные системы, но не нашел ничего. Третий глаз следил за тем, как его призыватель искал реестр волшебного мира. Книга была большой. В ней зарегистрированы все законные граждане волшебной стороны Великобритании. В нем были указаны день рождения и дата смерти людей, а также их полное имя и краткое физическое описание. Магглорожденные, как он, не регистрировались, а взрослые - регистрировались. Возможно, по достижении совершеннолетия ему придется зарегистрировать свою личную информацию в этой книге. Как бы интересно это ни было, сирота не нашел того, что искал.

Архив наполнился другими документами и реестром. На это у него уйдет немало времени. Злоумышленник покинул архивы. Основное заклинание было снова наложено на вход. Путешествие к зданию походило на путешествие без ограничений.

В лондонском баре сирота выпила сироп, читая «Квиблера». Речь шла о плане министра завладеть всем неиспользуемым хранилищем в банке волшебника. Ночь пришла вовремя, когда волшебник закончил последнюю игру журнала, в которой читатель должен был вернуть его вверх ногами.

Сирота вышел из бара и побрел по улице. Десять раз он оглушал разных прохожих и заставлял их плыть за собой, охваченные разочарованием. Он не хотел испытывать на них сжимающие чары, теоретически это могло убить их.

Позднее время дня сделало здание министерства менее активным. Вместо толпы служащих министерства злоумышленник встретил три патрульные группы, возвращаясь в архив. Внутри комнаты молодой волшебник сбил с толку похищенных им граждан и использовал свое магическое давление, совмещенное с его меньшим проклятием Империи, чтобы заставить их привязать его. Группа из одиннадцати человек проверила архив в поисках новых регистров резидентов, чтобы найти адреса волшебников.

Под ночной спокойной тенью не светились черные шары. Вокруг домика царила тишина. Десятки и десятки ног животных были прибиты к деревянному входу. Легенда гласит, что он защищал охотника от неудач. Так же, как крючковатые хвосты на бордюрах окон, защищали от злых. Дом палача был маленьким, за такую работу платили невысоко.

Высокий и мускулистый волшебник точит топор точильным камнем. Его день был плохим. Опасный зверь был всего лишь ненормальным гулем. Хрупкая шея не сопротивлялась его тяжелому топору.

Работа с министерством была скучной. Чудовище не кричало и не сопротивлялось, как добрые

маглы. Палач скучал по старым добрым временам со своим хозяином. Тонкие черные усы приподнялись от воспоминаний, разжигая холодное оружие. Когда мужчина уменьшал свой точильный камень, дверь открылась. Он не был готов, опека ни о чем его не уведомляла.

У него не было времени ни поднять оружие, ни искать свою палочку, когда тьма заполнила всю комнату, и сильное давление приклеило его к холодной земле. Послышались шаги. Двигаться ни на дюйм было невозможно, его тело не могло реагировать, оно замерзло. Звук был ближе, он не мог видеть. Он не слышал. Все было темно.

Голос девушки был еле слышен. Каждое слово, которое он прошептал, было непонятно никому, кроме ушей, которые слушали в темноте.

Лес Семи Дубов был безмолвен, наполнен осязаемыми тенями. Сироту не беспокоило отсутствие света. Это успокаивало, укрывая его от посторонних глаз, защитным слоем. Ее запах был повсюду. Ее холодные руки накрыли его черные шары. «

- Уолден Макнейр, - молодой волшебник видел все с активированным третьим глазом. Ни одно животное не осмеливалось выйти из своей норы, их инстинкты боялись этой ненормальной ночи.

- Кто ты? Чего ты хочешь? - проснулся от шлепка служащий. Противник не попал в цель. Было слишком темно. Видимость не позволяла ударившемуся человеку даже увидеть свой нос. Руки ищут кобуру для палочки, ее нет. Высокая рама отступила от голоса собеседника. Его шаги наткнулись на корень дуба.

- Я ждал этого дня много лет. Я разочарован. Я мог прийти раньше, - голос юноши был спокойным. Это не выдало никаких эмоций. Его холодный взгляд был свидетелем бегущего человека с вытянутыми вперед руками, надвигающегося вперед.

- Что тебе нужно? Что я с тобой сделал? - палач коснулся деревянного ствола. Добыча, он был добычей, и его охотник играл с ним. Он знал это, это чувство вездесущности, когда зверь пытался изо всех сил убежать, но в конце концов старый волшебник остановился. Это было бесполезно. Прижавшись к дереву, он выкрикнул единственное известное ему беспалочковое заклинание. Тусклый свет не мог рассеять тьму. Это была белая, сверкающая, маленькая точка.

- Может быть, ты не помнишь, лет шесть назад. Ты не должен помнить, это было давно. Ты убил моих родителей, - холодные факты не вызвали никакого возмущения. Настороженный мужчина не мог двинуться с места, его ноги были прибиты к его нынешнему месту. Его спина прижалась к коре дерева. Давление, как в холодном ведре, не позволяло ему отойти. Воздух, нет, тьма вокруг него имела консистенцию осязаемого трупа.

- Твои родители? Послушай, мальчик, если ты меня отпустишь, я все забуду. Ты же не хочешь ..., - палач не смог закончить фразу, когда электрический ток прожег все нервы его тела. Он осознал эту боль. Это было на уровне его мастера, нет, это было жестче. Он никогда не чувствовал запах собственной горящей плоти. Дрожащее тело на холодной траве скрутилось от толчков красной рвоты. - Отпусти меня, мальчик! Я оставляю тебя в живых, я ничего не скажу, обещаю ..., - боль была сильной. Его хозяин останавливался только от скуки, но он был особенным.

Злоумышленником здесь был молодой волшебник, у которого было достаточно желания причинить боль для использования этого проклятия. Палач терпел. Он знал, что у него есть шанс. Чем дольше он показывал свои страдания, тем сильнее было воздействие, и очень

немногие могли выдержать ответственность за такое зрелище, особенно молодые.

Когда его дыхание успокоилось, его остановил еще один шок. Раскаленные добела ножи пронзали каждый дюйм его кожи, его голова наверняка разорвалась от боли. Это был не сон. Часть его одежды горела тёмным огнем.

- Да, да, я помню, я помню. Пожалуйста, пожалуйста, остановись ... пожалуйста, - высокомерие мужчины отступило. Остается только его инстинкт выживания, изогнутый вокруг его зародышевого положения. Часть расплавленной плоти слилась с опаленной тканью. Холодное прикосновение коснулось его лба.

- Не волнуйся, это будет сделано, - сирота увидела облегчение на лице мужчины. Из руки вылилось черное пламя, накрывая беспомощного человека. Огонь был не слишком горячим. Тьма привязала жертву к месту. Крики не останавливали и не ускоряли процесс. О чем бы ни просила жертва, смертный приговор не применялся.

Сирота подумывал отпустить мужчину. Достаточно ли этого для его прежнего эгоизма? Сладкий голос девушки помог ему определиться. Это было не его предыдущее «я», это было его желанием. Если позволить убийце уйти живым, это не означало почтить память его родителей. Такая слабость, все его тренировки, все его потраченное время, оттачивание своих навыков и доблести ничего не значили бы, если бы он даже не смог достичь одной из своих целей. Как он мог исполнить ее желание? Ткань плавилась с оставшейся кожей и имела прогорклый вкус.

Сирота не отводил взгляд. Он не моргал. Его темные сферы были свидетелями сожженной плоти, обнажающей красноватые кости на кричащей жертве. С каждой секундой человеческие страдания подходили к концу, слабый шум - к полной тишине. Когда остаток тела перестал издавать слабые крики, огонь обратил его в пепел. Холодные объятия делали его счастливым, поливая зрение.